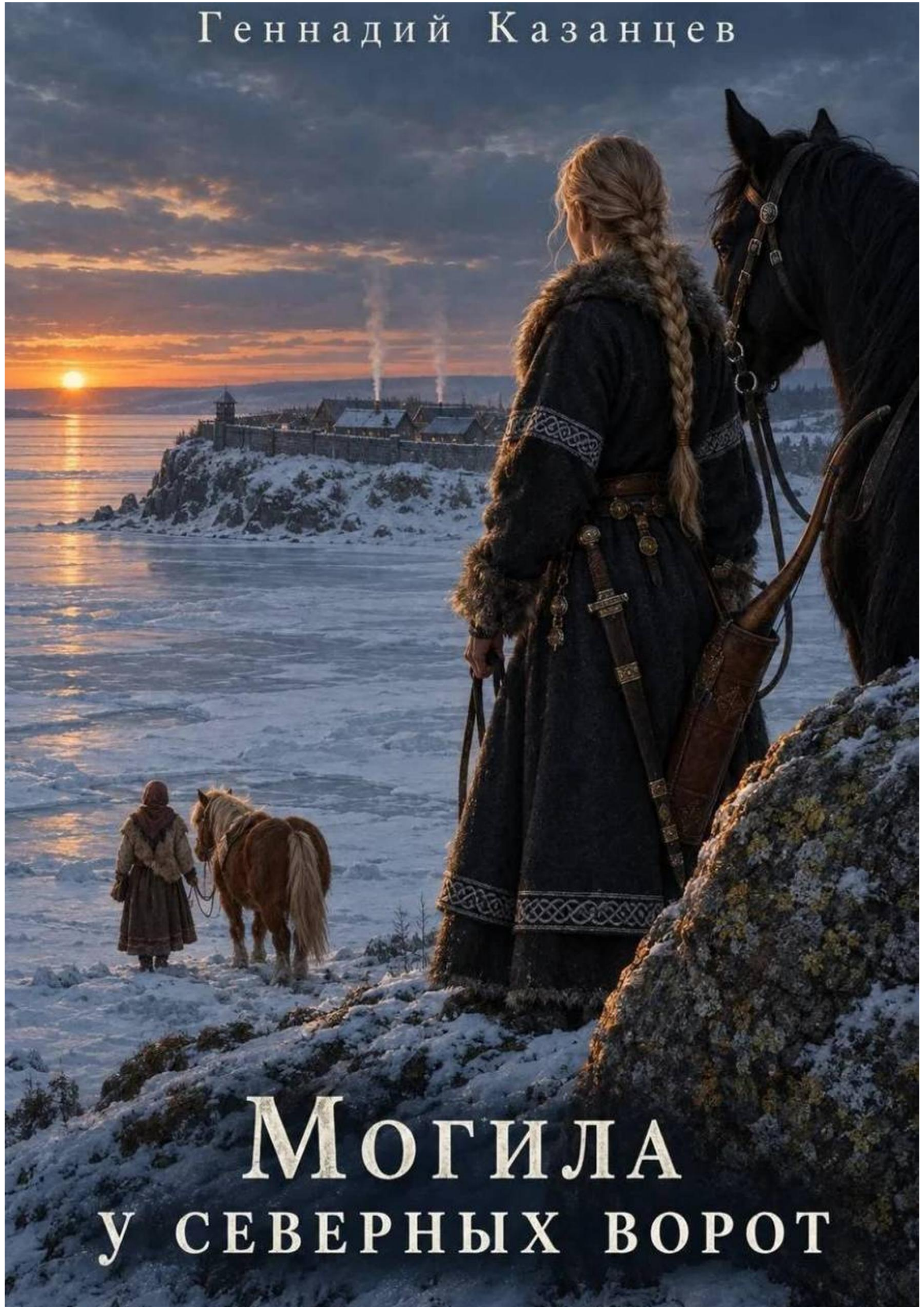

Геннадий Казанцев

МОГИЛА У СЕВЕРНЫХ ВОРОТ

Геннадий Казанцев

Могила у северных ворот

«Автор»

2026

Казанцев Г.

Могила у северных ворот / Г. Казанцев — «Автор», 2026

Январь 2026 года. Берейтор Анна вместе со своей исландской кобылой проваливается под лёд Волхова у Старой Ладogi и выныривает морозной ночью 946 года. Из воды её вытаскивает Вигдис — женщина с мечом, которая стреляет с коня лучше мужчин и ведёт своих людей на юг, мстить за князя Игоря. Анна знает, чем кончится месть княгини Ольги. Но когда-то она читала о знаменитой могиле воительницы из шведской Бирки — и теперь боится, что знает больше.

© Казанцев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЁД. Глава 1. Устье Ладожки	5
Глава 2. Промоина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Геннадий Казанцев

Могила у северных ворот

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЁД. Глава 1. Устье Ладожки

Термометр на двери конюшни показывал плюс один. Анна всё-таки щёлкнула по стеклу ногтем, хотя и так видела, что он не врёт: третий день с крыши капало, снег во дворе осел и посерел, а у берега Ладожки, где ещё неделю назад можно было идти по льду рысью, проступила вода.

— Весна, — сказала она Хекле. — В январе. Поздравляю.

Хекла фыркнула и полезла носом к ней в карман, где обычно лежал сухарь.

Лошадей было четыре. Два старых рысака, списанных с ипподрома, летом катали туристов вокруг крепости, а зимой только ели и спали: им было всё равно, какая погода, лишь бы сено давали вовремя. Вороной мерин Сварти, исландец, ленивый и хитрый, стоял в дальнем деннике — просторном стойле, где лошадь ходит без привязи, — и делал вид, что его здесь нет. А в ближнем, у самых ворот, переступала с ноги на ногу Хекла, рыжая кобыла с белёсой, почти льняной гривой. Анна привезла её из Исландии годовалой и до сих пор считала лучшим, что у неё в жизни было.

Она раздала сено, долила воды рысакам — подогреватель в поилке опять выбивал пробки, а электрик из Старой Ладogi вторую неделю обещал зайти, — потом взяла крючок и по очереди подняла Хекле все четыре ноги. Шипы на зимних подковах сидели крепко, только на задней левой один стёрся почти до основания. Анна отметила про себя, что в субботу надо звонить кузнецу.

По-исландски она думала до сих пор. Не всегда: в магазине, на почте, в разговорах с соседками она была обычной русской женщиной тридцати четырёх лет, которая держит лошадей на краю деревни и, по мнению тех же соседок, зря не вышла замуж. Но в конюшне язык переключался сам. Шесть лет она прожила на юге Исландии, под Хеллой, на хозяйстве, где стояла сотня лошадей и куда круглый год ехали туристы со всего света. Приехала туда в двадцать два, на один сезон, с дипломом зоотехника и тремя исландскими словами, а уехала с языком, с Хеклой и с привычкой разговаривать с лошадьми так, как с ними разговаривали там.

Уехала из-за матери. Мать жила в Волхове, в пятиэтажке у самой ГЭС, где Анна выросла, и когда соседка позвонила и сказала про инсульт, Анна купила билет в тот же вечер. Думала — на месяц. Мать прожила дольше, чем обещали врачи, и всё это время Анна моталась между больницей, квартирой и конюшней, которую сняла на краю деревни под Старой Ладогой, чтобы было куда поставить Хеклу. На перевозку кобылы ушло всё, что она скопила в Исландии. После похорон оказалось, что возвращаться некуда: её место под Хеллой давно заняли, а Хекле нравилось здесь.

Летом было хорошо. Туристы из Петербурга приезжали смотреть крепость, и Анна возила их на рысках вдоль Волхова к сопкам — так здесь называли древние курганы по берегу — и обратно. Каждое лето у крепостных стен ставили лагерь реконструкторы, и две недели по деревне ходили люди в шерстяных платьях, с бронзовыми застёжками на груди и ножами на поясе. Они брали у неё лошадей для конных сцен, платили наличными и за кружкой пива объясняли, что у них всё сделано по находкам, до последней бусины. Анна слушала вполуха. Её занимали не бусины, а то, как эти люди сидят в седле. Сидели они в основном плохо.

Зимой не было никого. Двух девочек из Волхова она учила по субботам, остальное время принадлежало лошадям.

Хекла третий день не выходила из конюшни и начинала скучать: грызла жердь, била копытом в дверь денника. Анна посмотрела на низкое небо, на капель, на мокрый двор и решила, что до крепости и обратно по высокому берегу они пройдут и в такую погоду. Эту дорогу она знала наизусть.

Она оседлала Хеклу, застегнула шлем, сунула телефон в нагрудный карман куртки и вывела кобылу за ворота.

*

Тропа шла по краю береговой террасы, между голым ивняком и обрывом. Внизу лежала Ладожка — узкая, петлистая, в эту зиму почти вся подо льдом, серым и ноздреватым. Снег проседал под копытами. Едва выйдя на ровное, Хекла пошла тельтом — тем особым исландским ходом, при котором лошадь переставляет ноги по одной и седло под всадником не качается, а плывёт. Анна отпустила повод. Ради этого хода она когда-то и полюбила породу: можно было ехать хоть час, держа в руке полный стакан, и не пролить ни капли. На хозяйстве под Хеллой этим фокусом развлекали туристов, и туристы каждый раз не верили своим глазам.

Впереди, на мысу между Ладожкой и Волховом, поднималась крепость: серые известняковые стены, башни под деревянными шатрами, за стеной — белая церковь Георгия с маленьким куполом, похожим на шлем. Правее, под снегом, горбился вал Земляного городища — того места, откуда, как объясняли туристам экскурсоводы, и началась Ладога. Анна слышала эту экскурсию столько раз, что могла бы вести её сама. Большие дома с очагом посередине, срубы с печами из валунов, мастерские, бусы, арабское серебро. Восьмой век, девятый, десятый. Варяги, словене, чудь. Верилось в это плохо: слишком обыкновенным был сугроб, под которым всё это будто бы лежало.

Одну историю про тех же варягов она запомнила лучше всех экскурсий. Это было в сентябре две тысячи семнадцатого, ещё в Исландии. Утром, в маленькой кухне для работников, Сигга — жена хозяина, крупная, седая, с руками, которые одинаково уверенно держали и повод, и внука, — читала вслух новости с телефона. В Швеции, в могиле, которую раскопали ещё в девятнадцатом веке, лежал воин со всем оружием, какое только можно придумать, и с двумя конями. Полтора века его считали мужчиной. Теперь сделали анализ ДНК, и оказалось, что это женщина. Ей было за тридцать. На коленях у неё нашли игральные фигурки, рядом стояла доска, и учёные решили, что она не просто дралась, а командовала.

— Ну конечно, — сказала Сигга и отложила телефон. — Кто бы сомневался.

К новости прилагался старый рисунок: сидящая фигура в деревянной камере, вокруг щиты, копья, меч, а в ногах, на уступе, два коня. Анна смотрела на коней и почему-то думала не о воительнице, а о том, кто этих коней кормил и чистил. Ниже, в статье, кто-то из учёных сомневался: на костях нет следов ран — какой же это воин?

— Значит, хорошо дралась, — сказала Сигга, и на кухне засмеялись.

Анна тогда засмеялась вместе со всеми. А запомнила из-за коней. Могила была рядом со старой крепостью, на острове посреди шведского озера, в месте под названием Бирка. Название запомнилось само: по-русски так называют ярлычок, который вешают на ключи.

Тропа спустилась к самой воде, туда, где Ладожка перед устьем расширялась и берег становился пологим. Отсюда был виден Волхов — широкий, серый, с тёмными промоинами у дальнего берега. Старики в деревне говорили, что после ГЭС Волхов у Ладоги встанёт плохо, и каждую зиму кто-нибудь из рыбаков проверял это на себе.

Анна придержала Хеклу, собираясь повернуть обратно, и в эту секунду за кустами, совсем близко, взревел мотор.

Снегоход вылетел на тропу сбоку, из ивняка: двое парней в ярких комбинезонах, без шлемов. Он прошёл в трёх метрах, обдал их мокрым снегом и с воем ушёл вверх по склону. Хекла видела в своей жизни трактора, фуры и однажды вертолёт МЧС, но такого не выдержала.

Она присела на задние ноги, развернулась на месте и прыгнула — вниз, с береговой бровки, на лёд.

Лёд выдержал. Анна успела подумать именно это — выдержал, — успела сесть глубже и собрать повод, а потом Хекла понесла. Не вверх, к шуму, а прочь от него: по льду вдоль берега, к устью.

— Роулега, — сказала Анна, как говорила всегда, и не услышала собственного голоса. — Роулега, девочка.

По-исландски это значило «тише, спокойно». Хекла знала это слово с годовалого возраста. Сейчас она не слышала ничего.

Разворачивать лошадь на льду было нельзя: на резком повороте Хекла упала бы, и тогда обоим конец. Анна сидела, мягко брала и отдавала повод и считала про себя, как её учили когда-то: раз — взять, два — отдать. Шипы скрежетали по льду. Слева уходил назад высокий берег, справа тянулось пустое серое поле, а впереди поле темнело: становилось сначала серым, потом свинцовым, мокрым, и за ним, совсем близко, лежала чёрная открытая вода Волхова.

Хекла почуяла её раньше, чем Анна. Кобыла сбила ход, попыталась встать, заскользила — и Анна почувствовала, как лёд под ними прогнулся. Не треснул, а именно прогнулся, мягко и тяжело.

Потом раздался звук, похожий на выстрел, и лёд под ними исчез.

*

Холод ударил сразу со всех сторон, и первые секунды Анна не понимала ничего, кроме холода. Вода хлынула за воротник, в рукава, в сапоги, в рот. Её выбросило из седла; что-то огромное и твёрдое прошло рядом и толкнуло в бок — копыто, поняла она потом. Руки сами сделали то, чему их учили: бросить повод, чтобы не запутаться в нём, и схватить гриву. Сбоку, подальше от передних ног.

Хекла плыла. Анна чувствовала под ладонями её шею, сильные рывки, работу мышц и держалась за гриву так, как ни за что в жизни не держалась. Шлем сорвало. Течение, которого не было видно сверху, тянуло их вбок, и когда Анна открыла глаза, над ними был уже не свет, а лёд: мутный, серо-зелёный, бесконечный потолок, вдоль которого вода волокла их обеих.

Думать было некогда и нечем. Грудь горела. Хекла рвалась вверх, упиралась головой в лёд, снова уходила вниз, снова рвалась, и Анна держалась за её гриву, держалась, держалась.

Потом потолок над ними посветлел. Не посерел, а стал другим — зыбким, живым, рыжим. Хекла рванулась к этому свету, и Анну вынесло вместе с ней.

Воздух обжёг горло, как кипяток. Анна закашлялась, глотнула ещё — и увидела, что вокруг темно. Не сумеречно, как полминуты назад, а по-настоящему: над ней стояла чёрная морозная ночь, в небе горели звёзды, а у самой воды, совсем близко, метались живые огни. Не фонари. Факелы.

Кто-то кричал. Слов Анна не понимала — а потом одно слово поняла.

Глава 2. Промоина

— Хон ливир! — кричал мужской голос. — Хон ливир!

Ещё в воде, захлёбываясь и не видя ничего, кроме огня, Анна поняла: «Она жива». Так сказали бы и по-исландски, только чуть иначе — гуще, тяжелее, как говорил бы глубокий старик откуда-нибудь из глухого угла, где язык не менялся со времён саг.

Её схватили за ворот куртки. Потом за руку, потом за другую. Кто-то лёг на лёд и тянул её к себе, кто-то держал его за ноги; её проволокли животом по острой кромке и вытащили на твёрдое. Лёд здесь был совсем другим — толстым, белым, звонким. Анна лежала на нём щекой, кашляла водой и не могла поднять голову.

Мороз взялся за неё сразу. Только что она была просто мокрой, а через несколько вдохов рукава куртки встали колом, волосы на висках захрустели, пальцы перестали сгибаться. Кругом ходили люди — сапоги, полы длинной одежды, мех, огонь. Пахло дымом и лошадьми. Чуть поодаль, у края промоины, фыркали и переступали чьи-то лохматые кони — их, видно, привели сюда на водопой.

Хекла.

Анна приподнялась на локтях. В полынье, в трёх шагах от неё, билась рыжая лошадиная голова: Хекла цеплялась передними ногами за край, лёд обламывался, и она снова уходила в воду по шею. Глаза у неё были белые.

— Лошадь! — закричала Анна по-русски. — Помогите лошади!

Никто не двинулся. Люди смотрели на неё. И тогда из Анны само вырвалось то, что крикнула бы на её месте любая девчонка с хозяйства под Хеллой:

— Хестюрин! Бьяргид хестинум!

«Лошадь. Спасите лошадь». Слово «хест» до них дошло — Анна увидела это по лицам. Кто-то коротко засмеялся, кто-то выругался, а над всеми поднялся женский голос, низкий и спокойный, и по тому, как его слушали, сразу стало ясно, кто здесь решает.

Говорившую Анна не видела — только слышала, как та отдаёт приказы, быстро и коротко, и как люди бегут их исполнять. Принесли верёвки. Седобородый мужчина, широкий, в тяжёлой шубе, лёг у самой кромки, дождался, когда Хекла в очередной раз вынырнет, и ловко набросил ей петлю на шею. Второй петлёй, пониже, захватили грудь за передними ногами. Анна рванулась к ним — «не за шею!» — но её удержали.

Седобородый потянул петлю на шее, и Хекла захрипела.

Анна закричала. А Хекла, вместо того чтобы уйти под воду, вдруг поднялась в ней выше, словно её подтолкнули снизу. Старые конюхи на ипподроме когда-то рассказывали про эту деревенскую науку: провалившуюся лошадь надо придушить, она раздуется, наберёт в себя воздуха и всплывёт. Анна считала это байкой. Теперь байка держала Хеклу на воде у неё на глазах.

Мужчины тянули не прямо, а вбок, вдоль кромки, чтобы лошадь вышла на толстый лёд боком. Тянули все разом, по команде, и командовал женский голос. Хекла выбросила на лёд одну переднюю ногу, потом другую, шипы подков вгрызлись в лёд — никогда ещё Анна так не радовалась этим шипам, — и кобыла, скребя, срываясь, выползла на белое и легла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.